

*Student of the Department of Philosophy and Methodology of Sciences,
Faculty of Philosophy and Social Sciences,
Belarusian State University,
Independence avenue, 4, 220004, Minsk, Republic of Belarus,
Ilichevsky536@gmail.com*

Supervisor – I. N. Sidorenko

*Doctor of Philosophy (Habil.), Professor at the Department of Philosophy of Culture,
Faculty of Philosophy and Social Sciences,
Belarusian State University,
Independence avenue, 4, 220004, Minsk, Republic of Belarus,
iri_na2000@rambler.ru*

Abstract. The article presents an attempt to actualize the socio-political constellations of postmodernity, the associated destructions of the project of social emancipation in the conditions of “mature capitalism”. In this regard, the author makes an appeal to the historical projections of Marxism of the XIX–XX centuries. as a concept that has sufficient potential for the examination of current social trends in the refraction of relevant indicators of social development. As a result, the author summarizes that with the departure from the modern paradigm and the commensurate diversification of industrial production, the problems of global political strategy receive a connotation of dehumanizing in the aspect of large-scale leveling of a public subject inspired by the agonistic ideologeme of post-industrial civilization.

Keywords: ideology, capitalism, dehumanization, alienation.

ГЛОБАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОЦИУМА И ГИБРИДНЫЕ КОНФЛИКТЫ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Е. В. Радевич

*старший преподаватель кафедры философии и методологии науки
факультета философии и социальных наук,
Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, 220004, г. Минск, Республика Беларусь
katrin_frol@mail.ru*

Аннотация. В рамках данного исследование осмысляется актуальное состояние современного общества, выявляются его особенности, связанные с увеличением межкультурных конфликтов, а также рисков, которые таят в себе современные информационные технологии. Анализ глобального социума позволяет увидеть одну из его важных особенностей – большая часть современных конфликтов и противостояний начинает носить гибридный характер. Это стало возможным благодаря современным ИКТ, которые и обусловили появление нового способа ведения конфликтов – информационных и кибервойн. Такого рода трансформации стали возможными благодаря процессам глобализации, которая в XXI веке проявляет свой ярко выраженный дивергентный характер.

Ключевые слова. ИКТ, глобализация, гибридная война, информационная война, кибервойна, дивергенция.

Современное общество все чаще демонстрирует увеличение рискогенности и конфликтогенности, которые уже стали «знаком нашего времени». Усиление военных конфликтов, экономический кризис, вызванный последствиями пандемии, фрагментация современного общества по национальным или этнически-религиозным признакам свидетельствуют о наличии дивергенции глобального пространства современности.

Оптимистичная оценка феномена глобализации на этапе генезиса первых теорий была фундирована экономическим детерминизмом, который акцентировал внимание на снятие всех национальных, государственных и территориальных ограничений для перемещения финансов и капиталов, а также главенствующей роли ТНК на международной экономической и политической арене. На основании этого делался вывод о том, что формирование единого мирового экономического пространства с необходимостью ведет к культурной конвергенции, которая унифицирует этнокультурные особенности. Данному процессу способствует формирование единого информационного пространства, которое усиливает взаимодействие и культурный обмен между различными людьми и сообществами. Однако актуальная социокультурная ситуация демонстрирует обратную тенденцию – на фоне экономической и информационной конвергенции происходит национальная, этническая и религиозная дивергенция. Происходит локализация, фрагментация и дифференциация общества по вышеперечисленным признакам. На это указывают не только зарубежные исследователи, но и российские ученые. В частности А. Л. Сафонов отмечает, что «реальные процессы глобализации, вопреки логике экономического детерминизма, неожиданно пошли в сторону цивилизационной, этнической и конфессиональной дивергенции и фрагментации. На первый план все чаще выходят глобальные угрозы социального порядка, связанные с трансформацией системообразующих социальных общностей, в частности национальных и этнических» [1]. Таким образом, сегодня наблюдается ситуация не глобального единения мирового социума, а глобального противоборства и усиления конфликтогенности.

Однако дивергентные процессы, происходящие сегодня в мире, не сводятся исключительно к национальным и этническим конфликтам, которые существовали веками. Обострение старых и возгорание новых очагов противостояния неизбежно связаны с тем информационным «полем», которое

окружает то или иное событие, как оно преподносится для всей мировой общественности СМИ. Кроме того, многие конфликты, которые происходят сегодня, являются результатом информационных и даже гибридных войн.

Под гибридной войной понимается такое противостояние, при котором «противник одновременно использует комбинацию военных, политических, экономических, социальных и информационных средств; а также обычных и нетрадиционных, террористических, разрушительных и криминальных методов борьбы, включая как государственные, так и негосударственные субъекты» [2]. В качестве примера в зарубежной литературе часто приводят войну Израиля с Ливаном, в ходе которой правительственным войскам противостояла неправительственная группировка Хезболла, которая во многих странах признана террористической [2; 3; 4].

Исследователи обращают внимание на то, что данная группировка – это не просто военная организация. Она содержит в себе политические, социальные, дипломатические и информационные каналы воздействия, которые обеспечивали поддержку местного населения – оказание гуманитарной помощи, строительство инфраструктуры, обучение ливанцев, оказание медицинской помощи и другие меры, которые в совокупности с военными операциями позволили противостоять правительственным войскам Израиля.

Также примером «гибридного противника» выступает организация Талибан в Афганистане, которая использовала целый спектр методов для захвата власти, в результате чего подобно Хезболле стала «государством в государстве» и создало «теневое правительство» в Афганистане [3]. Сегодня, как известно, Талибан полностью захватил власть в Афганистане в связи с выводом американских войск с данной территории.

Для того чтобы эксплицировать основные характеристики гибридных войн и конфликтов, необходимо провести демаркационную линию между ними и более традиционными типами войн. В зарубежной литературе выделяют следующие виды приемов ведения войны:

1. Обычная (конвенциональная) война, в которой участвуют два и более государства с использованием национальной армии для достижения политических и военных целей. Участники конфликта следуют традиционным правилам ведения войны, а также ожидают этого от противника.

2. Нерегулярная (нетрадиционная война). Предполагает участие государственных и негосударственных субъектов за установление влияния на какой-либо территории. Стороны нерегулярной войны часто прибегают к

ассиметричным подходам ведения военных действий, но в полной мере могут использовать боевые и военные мощности для подавления силы, мощности и воли противника. Нерегулярные войны включают в себя акты терроризма, мятежи, диверсии и другие нерегулярные методы противостояния, а также соответствующие контрмеры.

3. Ассиметричная война ведется между неравными по силе противниками, в ходе которой более слабая сторона наносит удары по наиболее уязвимым сторонам сильного соперника опираясь на эффект неожиданности и непредсказуемости. Применяются различные нетрадиционные (нерегулярные) тактики, партизанская война и др. [3, р. 12].

Один из первых теоретиков концепции гибридной войны, специалист в области военно-политического стратегического планирования и вооруженных конфликтов, Фрэнк Хоффман отмечает, что «гибридные угрозы инкорпорируют различные способы ведения войны, включая конвенциональные (традиционные) возможности и нетрадиционные (нерегулярные) тактики, террористические акты, включая беспорядочное насилие и принуждение, а также криминальные беспорядки» [5, р. 8]. Кроме того, гибридные войны могут проводиться как отдельными государствами, так и множеством негосударственных акторов. По мнению Ф. Д. Хоффмана, эти мультимодальные действия осуществляются отдельными объединениями или одним и тем же, но в целом, координируются и управляются внутри главного пространства ведения боевых действий. Все это делается для достижения комплексного эффекта в рамках физического и психологического измерения конфликта.

Гибридная война предполагает не только открытые вооруженные противостояния, но также использование нетрадиционных средств борьбы, к которым относятся партизанские движения, скрытые диверсии, террористические акты, психологические войны, поддержка неправительственных организаций и движений, подкуп местного населения и др. Кроме того, гибридная война не всегда предполагает официальное объявление войны. В данном контексте очевидно, что гибридная война – явление отнюдь не новое в истории человечества и включает в себя нерегулярную и ассиметричную войну, в связи с чем следует отметить «размытость» категориального аппарата по этой проблеме как в зарубежной, так и в русскоязычной литературе. Однако для современного этапа социокультурного развития характерно появление еще одного, принципиально нового средства ведения гибридных войн – это

информационные и кибервойны. Данному аспекту межгосударственного противостояния уделяется недостаточное внимание в современных исследованиях гибридных конфликтов, только лишь указывая на его наличие. В то время как большинство современных конфликтов происходят не только на традиционном поле боя, но прежде всего в информационном и киберпространстве.

Киберпространство – это область анонимности, не ограниченная территориально, доступная в любой точке мира, с бесконечными возможностями оказывать влияние на отдельных людей и целые нации, которые сегодня так зависимы от информационных технологий. В отличие от войн с использованием кинетического оружия, кибератаки не наносят цели физического вреда, но повреждают или полностью уничтожают программы, связанные с этими целями. Киберпространство дает множество возможностей для использования уязвимости противника. В частности, западные общества, в том числе их военные, стали очень зависимы от киберпространства – банковские операции, телефонные сети, управление воздушным движением, эксплуатация заводов или атомных электростанций, управление логистическими сетями – все это становится сферой использования ИКТ. В связи с чем, в киберпространстве возможно осуществление целого спектра опасных действий: кибер-вандализм (распространение вирусных программ), кибер-преступность (осуществление противоправных действий с использованием ИКТ), кибер-шпионаж, кибертерроризм, тактические и стратегические кибервойны и др.

В значительной степени многие современные конфликты и противостояния, как военные, так и политические являются следствием или, по крайней мере, зависимы от действий в киберпространстве. Как известно, события «Арабской весны», которые дали начало волне революций в арабском мире, стали возможны благодаря активному использованию социальных медиа и Интернета. Забастовки и демонстрации, а также вооруженные восстания в Иране, Тунисе, Египте, Ливии, Ливане, Саудовской Аравии, Ираке и Йемене, Алжире и Судане стали свидетельством того, что мир стоит на грани раскола, который начинает носить глобальный характер. Дивергентные процессы, которые происходят не только в арабо-мусульманском мире, но также характеризуют и Западную цивилизацию, дают возможность говорить о том, что они носят глобальный характер.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что гибридные войны, а точнее их современное воплощение – информационные и кибервойны – это

закономерный результат глобализации, поскольку появление и развитие ИКТ стало возможным именно в результате процессов глобализации. В данном случае весьма иллюстративно взаимодействие США и России, которые находятся в ситуации гибридной войны, пришедшей на смену холодной войне. «В отличие от холодной войны гибридная война может носить скрытый характер (в связи с чем даже появился термин “необъявленная война”), в основе ее причин чаще лежит передел политико-экономических сфер влияния, и интервенция на территории противника в целях свергнуть то или иное правительство может осуществляться невоенным путем» [6, с. 54].

Таким образом, то, что раньше считалось издержками глобализации, своеобразными побочными эффектами процесса становления глобального мирового единства, на сегодняшний день, во втором десятилетии XXI века, становится сущностной характеристикой феномена глобализации. Современный этап социодинамики, который все чаще определяется как «постглобализация», характеризуется сменой конвергентных тенденций (экономических, этнокультурных, идеологических и др.), дивергентными процессами фрагментации и дифференциации мировой социальной системы на фоне усиливающихся гибридных конфликтов современного общества.

Библиографические ссылки

1. Сафонов, А. Л. Этническая фрагментация наций в эпоху глобализации: социально-философские аспекты [Электронный ресурс] / А. Л. Сафонов // Филос. мысль. – 2015. – № 6. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/fr/article_15796.html. – Дата доступа: 13.04.2018.
2. Glenn, R. W. Thoughts on “hybrid” conflict [Electronic resource] / R. W. Glenn // Small Wars Journal. – Mode of access: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict>. – Date of access: 13.04.2018.
3. Huovinen, K.-P. Hezbollah and Taliban – hybrid adversaries in contemporary conflicts? [Electronic resource] : views on an adversary from the US armed forces perspective / K.-P. Huovinen // Maanpuolustuskorkeakoulun kirjasto. – Mode of access: https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/92639/y2622_huovinenkpo_yek56.pdf. – Date of access: 12.04.2018.
4. McCuen, J. Hybrid wars / J. McCuen // Milit. Rev. – 2008. – Vol. 88, № 2. – P. 107–113.
5. Hoffman, F. G. Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars / F. G. Hoffman. – Arlington : Potomac Inst. for Policy Studies, 2007. – 72 p.
6. Акулинин, В. Н. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния / В. Н. Акулинин, Н. С. Епифанова // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 36. – С. 53–60.

GLOBAL SPACE OF SOCIETY AND POST-MODERN HYBRID CONFLICTS

E. V. Radevich

*Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Methodology of Science,
Faculty of Philosophy and Social Sciences,
Belarusian State University,
Independence avenue, 4, 220004, Minsk, Republic of Belarus,
katrin_frol@mail.ru*

Abstract. Within the framework of this study, the current state of modern society is comprehended, its features associated with the increase in intercultural conflicts, as well as the risks that modern information technologies are fraught with, are revealed. Analysis of the global society allows us to see one of its important features - most of the modern conflicts and confrontations are beginning to be of a hybrid nature. This became possible thanks to modern ICT, which led to the emergence of a new way of waging conflicts - information and cyber wars. Such transformations have become possible thanks to the processes of globalization, which in the 21st century manifests its pronounced divergent character.

Keywords. ICT, globalization, hybrid warfare, information warfare, cyber warfare, divergence.

КОНСЕНСУАЛЬНЫЕ ОБЛАСТИ ВНУТРИ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

В. О. Сташис

*магистр философии, преподаватель и аспирант кафедры философии и методологии
науки факультета философии и социальных наук,
Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, 220004, г. Минск, Республика Беларусь,
stashis@bsu.by*

В своей программной статье «Биология познания» (1970 г.) чилийский биолог и философ У. Матурана обосновал новый подход к эпистемологии, который позже стал известен как сантьягская теория познания (ее ключевым тезисом является следующее утверждение: «Живые системы – это когнитивные системы, а жизнь как процесс представляет собой процесс познания» [2, с. 103]). В указанном тексте автор затронул целый ряд фундаментальных вопросов касающихся сущности сознания и языка, в частности, проблемы диалога когнитивных систем. Согласно позиции У. Матураны, ключом к пониманию данных феноменов является рассмотрение их биологической природы. И хотя наиболее известной (и, вероятно, наиболее важной) является концепция аутопоэзиса чилийского философа, мы бы хотели обратить внимание то, какие следствия могут быть выведены из его трактовки языкового взаимодействия когнитивных систем как выстраивания